

ЛЕТ десять назад я сочинил заметку о духовных стихах Пушкина, где, в частности, отстаивал святое право русских классиков и в современных изданиях называть Бога с прописной буквы. Показал свой опус приятелю, бывшему правдисту. Он согласился с моими доводами, однако дружески посоветовал:

— Спрячь в стол и не вздумай предлагать для публикации!

— Но почему? — возразил я. — Вот и критик Золотусский утверждает, что мы все еще заигрываем с классикой, пользуемся ее аллюзиями, а духа ее страшимся. Хватит бояться! В конце концов не высекут же меня за столь безобидное требование!

— Не только «высекут», — братски наставлял меня журналист старого журнала ЦК ВЛКСМ, где ты имеешь свой надежный кусок хлеба.

А ведь и правда, подумал я, жестоко есть противу рожну прати.

Увы, мне, что было, то было! Однако ж хотелось и тему разработать поглубже. В те времена хоть и робко, но уже начинали публиковать русских философов и писателей-эмигрантов, и я справедливо предполагал, что многие мои «открытия» вскоре окажутся не более чем открытием Америки. Так оно и случилось: волна неизвестных мне работ о Пушкине смыла почти все мои исследовательские «откровения». Но кое-что все же сохранилось. Например, о проблеме пушкинского «Памятника».

Вот уже полтора десятилетия, как веревка Балды, морщит море пушкинистов, а иных толкователей так даже и «корчит»: «Прославленное стихотворение, в котором Пушкин «в горделивом сознании своих заслуг» дает себе должную оценку... Не пародия ли оно? Ясно выражена, неприкрытая пародия на «Памятник» Державина. Неприкрытая, даже подчеркнутая намеренным повторением выражений Державина. Державин сумел выдержать тон до конца, а у Пушкина на это

Лит.Россия. — 1995. — 2 июня. — с. 4.

НЕ СТРАШАСЬ...

уменья не хватило: ни к селу, ни к городу припел он и клевету, и равнодушие, и глупца какого-то...». Это слова академика М.П. Алексеева, опубликованные в 1967 году. Не правда ли, редкое толкование? А ведь так прочел авторитетный В.В. Вересаев! Как ему не поверить?

И как не согласиться с выводами М.П. Алексеева? Его скрупулезные изыскания о «Памятнике» шаг за шагом приводят к тому, что «в строках, которые когда-то для невнимательных и нечутких читателей отзывались самохвальством и непомерной гордостью, мы явственно различаем сквозящую в них предсмертную тоску и безысходную скорбь поэта накануне его гибели». Почтенному академику вторит известный пушкинист С.М. Бонди, находя финальные четыре стиха «Памятника» грустными и мрачными.

Это Пушкин-то мрачен? Да только стоит, отложив ученые труды, его перечитать, как — о чудо! — и «предсмертная тоска», и «безысходная скорбь» исчезают, яко дым. А «навязчивую мысль о близкой смерти» при желании можно узреть даже в этих лицейских стихах:

*Прости! Минуло все... Уж гаснет пламень мой,
Схожу я в холодную могилу,
И смерти сумрак роковой
С мученьями любви покроет жизнь унылу.*

Тут тебе и скорбь, и тоска, и уныние... На любой предсмертный вкус! Но сколь же опасно, как гласит русская пословица, искать ученым взглядом того, чего бы найти хотелось!

Вересаев своей, мягко говоря, курьезной трактовкой подтвердил бытующее мнение о том, что-де в «Памятнике» Пушкин преисполнен гордыни. Его стихотворению на самом деле предшествует поэтический ряд «горделивых сознаний», начиная с первоисточника:

*Гораций: «Гордость заслуженно, Мельпомена, яви»,
Ломоносов: «Взгордися праведной заслугой, Муза»,
Державин: «О Муза!
взгордись заслугой справедливой».*

Но Пушкин-то? Разве так он обращается к Музе?

Веленью Божию, о Муза, будь послушна.

Что это? Смирение паче гордости? А ведь в предыдущих строках нельзя не уловить горделивого тона. И все же в это — не кивливость, не самохвальство. Вовсе не это движет автором. Пушкин пожелал сказать о божественном назначении поэта — вот его творческий и духовный стимул, а также и тема стихотворения. «Поэт всегда должен быть послушен «веленью Божию», — разъясняет М.П. Еремин, но следом же уточняет, — то есть должен быть верен своему призванию». Но ведь Пушкин отбросил вариант: «Призванью своему...», как отказался и от следующего: «Святому жребию...». Найден наиточнейший: «Веленью Божию...»! Зачем же идти по «черновой» стезе?

Еремин сопоставляет сонет Пушкина «Поэту» с заключительной строфой «Памятника»:

*В сонете: «услышишь суд глупца»,
в «Памятнике»: «и не оспоришь глупца»,
в сонете: «не требуя награды»,
в «Памятнике»: «не требуя венца».*

Несомненно, Пушкин тут напомнил о своем сонете. Но напомнил-то вовсе не для того, чтобы показать: дескать, вот — та же мысль. А наоборот: смотрите, как с тех пор изменилась моя Муза. Слова-то те же, да контекст другой! А если заменить «веленье Божие» «призванием», то, конечно же, придется к смысловому тождеству сонета и пятой строфы, налившейся неуместной гордыней.

В свете «заслуженной гордости» толкует «Памятник» и Г.П. Макогоненко: «Нет нужды доказывать, что поэтическая формула — «веленье божие» лишена и тени религиозности в ее церковном понимании». Почему ж нет нужды? Да только потому, что, по Макогоненко, эта «формула» лишь подтверждает независимость поэта от чьей-либо воли, кроме своей. Значит, Пушкин помянул Бога всуе? Так или иначе, но о самодостаточности и безбожности поэтического творчества Пушкина писали чуть ли не все советские пушкинисты. Был ли им доступен христианский дух пушкинских стихов? Возможно, хотя и далеко не всем. Но о нем, кроме как в смысле отрицательном, не могло быть и речи.

Говоря о послушании Музы, поэт призывает духовно взглянуть на поэтическое творчество. Но перед этим напоминает еще об одном христианском призыве:

И милость к падшим призывал.

«Пушкин слишком высоко ценил, — вспоминает Н.В. Гоголь, — всякое стремление воздвигнуть падшего». А в его зрелом творчестве тема падшего человека становится чуть ли не главной темой.

В молодости он пародировал молитву Ефрема Сирина в письме к Дельвигу: «О путешествии Кухельбекера слышал я уже в Киеве. Желаю ему в Париже дух целомудрия, в канцелярии Нарышкина дух смиренности и терпения, об духе любви я не беспокоюсь... о праздности молчу...». А за полгода до своей смерти перелагает молитвенные слова св. Ефрема в стихи, предвзяв их строчками, в коих говорит о воздействии на него этой великопостной молитвы:

*Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой.*

Странен был советскому читателю молящийся Пушкин:

*Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей
И празднословия не дай душе моей,
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осуждения,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

А с высоты «самого передового учения» был даже чужд и реакционер. Чтобы примирить его с «научным атеизмом», советские пушкинисты для толкования это-

То теперь:

*Пошел я вновь бродить, уныньем изнывая
И взоры вокруг себя со страхом обращая,
Как раб, замысливший отчаянный побег.*

А каково исполнение замысла?

*Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной ждал о друге.
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городское поле,
Дабы скорей узреть — оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.*

Ну, серьезен ли такой побег? Так убежать мог только Рыцарь Печального Образа! Будьте уверены, «иные» непременно его изловят, а «ближние» отдадут в руки врачей, которые —

*Посадят на цепь дурака,
И сквозь решетку как зверка
Дразнить его придут.*

Не случайно явилось сравнение с героем «самой грустной из книг», заключающей в себе, как уверяет Ф.М. Достоевский, «глубочайшую и роковую тайну человека и человечества». Что означает это непознанное Слово Пушкина? Иронию судьбы духовного труженика? Чаение света обновления? Разумное безумство? А в итоге — побег пророка? «Странник» еще ждет своего осмысления. А то, что он «не был в Пушкине отдельной поэтической вспышкой, — замечает Анненков, — свидетельствуют многие последующие стихотворения, как «Молитва» («Отцы пустынно и жены непорочны...» — Ю.К.), «Подражание итальянскому» и несколько еще неизданных». Под последними биограф подражал опубликованные позже стихотворения «Каменноостровского цикла», венчаемого «Памятником».

Итак, в «Памятнике» Пушкин призывает Музу к духовному совершенству. Это значит быть выше споров, хвалы и клеветы, да и вообще земной суеты сует. Так

Ю. ИВАНОВ. «Дуэль».

же и в творчестве: «Служенье муз не терпит суеты». Здесь сливаются духовная и творческая ипостаси Музы: труженик, томимый духовной жаждой, и поэт, у которого душа «стеснена лирическим волненьем».

*«Странник»: «Я вижу некий свет», —
сказал я наконец»,
«Осень»: «Минута — и стихи свободно потекут».*

Теперь, вопреки высказываниям некоторых пушкинистов о том, что-де последняя строфа «Памятника» отрывается от предыдущих, надейся, нетрудно заметить прочную связь-переход от «милости к падшим» к «веленью Божию». Должна быть видна и смысловая спаянность начала и конца стихотворения, его целокупность. Ведь слово «нерукотворный» своим прикровенным смыслом восходит к известному чудотворению Иисуса Христа, «создавшего» на убресе «образ неписанный и богописанный». Отсюда и дело поэта («Я памятник себе воздвиг...»), исполненное по «веленью Божию», является «нерукотворным», т.е. отождествляется с деянием божественным. Столь же несомненно, что этот эпитет восходит также и к суду над Христом: «Мы слышали, как Он говорил: «Я разрушу храм сей рукотворенный, и через три дня воздвигну другой, нерукотворенный». Но и такое свидетельство их не было достаточно. Тогда первосвященник стал посреди и спросил Иисуса: что Ты ничего не отвечаешь? что они против Тебя свидетельствуют? Но Он молчал и не отвечал ничего». (Мк., 14, 58 — 61). Сравните с судом над Музой, послушной «веленью Божию»: не страшась обиды и не требуя награды, она равнодушно приемлет хвалу и клевету и не оспаривает глупца.

Напоследок же напомним, что Пушкин родился в праздник Вознесения Господня, окрестили его в Богоявленском соборе, обвенчался он в Вознесенском храме, а отпевали поэта в церкви Спаса Нерукотворного Образа. Случайности жизни? Или все же бы Промысел?

Юрий КУЛИКОВ

*Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег.*